Эпистемология и философия науки
2026. Т. 63. № 3. С. 6–21
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2026, vol. 63, no. 3, pp. 6–21
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202663336

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ИСТОРИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, главный научный сотрудник.
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
Российская Федерация, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14;
e-mail: cap-cap@mail.ru

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, профессор.
Центр практической философии «Стасис», Европейский университет в Санкт-Петербурге.
Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1А;
e-mail: shipovalova@eu.spb.ru

В статье рассматривается значение историко-научных исследований для современной науки. Авторы отталкиваются от двух контекстов проблематичной значимости истории науки – институционально-образовательного и социально-эпистемологического. В первой части рассматриваются три модуса отношения истории и (научной) жизни с опорой на идеи Ф. Ницше. Их эпистемологическое применение позволяет проблематизировать однозначный ответ на вопрос о пользе и вреде истории для современной науки. Во второй части авторы обращаются к уже существующему различию подходов антикваризма и презентизма, отмечают недостаточность презентистского подхода, раскрывают отличие эпистемологического антикваризма от философского, а также определяют, чем может быть полезна презентистская и антикваристская историография как в социально коммуникативном (для формирования и поддержки сообщества), так и в эпистемологическом смысле (для развития науки). В завершение дается ответ на вопрос об условии пересечения этих двух подходов, а также предлагается рассматривать недоопределенность прошлого науки как их общий исток. Делается общий вывод о значении работы историка науки для современных научных исследований.

Ключевые слова: история науки, историческая эпистемология, презентизм, антикваризм, недоопределенность

ON THE USEFULNESS AND HARMFULNESS OF HISTORY FOR CONTEMPORARY SCIENCE

Natalia I. Kuznetsova – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow.
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.

The article examines the significance of historical and scientific research for contemporary science. The authors start from two contexts of the problematic relevance of the history of science – the institutional-educational and the socio-epistemological. The first part examines three modes of the relationship between history and (scientific) life, drawing on the ideas of F. Nietzsche. Their epistemological application makes it possible

© Кузнецова Н.И., 2026
© Шиповалова Л.В., 2026

14 Baltiyskaya St., Moscow
125315, Russian Federation;
e-mail: cap-cap@mail.ru

Lada V. Shipovalova –
DSc in Philosophy, Professor.
Stasis Center for Practical Philosophy, European University at St. Petersburg.
6/1 A Gagarinskaya St.,
Saint Petersburg 191187,
Russian Federation;
e-mail: shipovalova@eu.spb.ru

to problematize any unequivocal answer to the question of the usefulness and harmfulness of history for contemporary science. In the second part, the authors turn to the existing distinction between the antiquarian and presentist approaches, note the insufficiency of the presentist approach, reveal the difference between epistemological antiquarianism and philosophical antiquarianism, and also determine how presentist and antiquarian historiography can be useful both in the socio-communicative sense (for shaping and supporting the community) and in the epistemological sense (for the development of science). In conclusion, an answer is given to the question of the condition for the intersection of these two approaches, and it is also proposed that the underdetermination of the past of science be regarded as their common source. A general conclusion is drawn about the significance of the work of the historian of science for contemporary scientific research.

Keywords: history of science, historical epistemology, presentism, antiquarianism, underdetermination

Введение

Вопрос о пользе и вреде историко-научных исследований для современной науки возникает сразу из нескольких контекстов. Первый контекст – институциональный и по преимуществу образовательный. Скоро будет 20 лет введению в высших учебных заведениях России курса «История и философия науки» для подготовки аспирантов и соискателей любых научных специальностей. Это был далеко не первый опыт в международном пространстве. Более того, о конструктивной совместности этих направлений исследования, пересекающихся на науке, свидетельствует и существование соответствующих журналов и обществ. Все это говорит о признании значения истории науки для будущих ученых, а также о связи исторической и философской рефлексии оснований научных исследований. Однако каковы основания этого признания? Не следует ли рассматривать его в качестве случайного? Нельзя ли историю науки в научном образовании просто взять и отменить? Необходима ли история науки современным ученым? Может быть, история науки – лишь предмет чистого незаинтересованного любопытства эпистемологов и историков науки, а будущего ученого, особенно не гуманитария, она только отвлекает от существа его работы? Стоит ли учить истории науки и если да, то какой?

Второй – социально-эпистемологический контекст относится к осмыслению практик научного исследования, связанных (или нет) с историей науки. Можно заметить, что востребованность истории при этом может быть истолкована амбивалентно. С одной стороны, речь идет о том, что формальная и неформальная научная коммуникация, присутствие сформированного, поддерживаемого

и развивающегося научного сообщества могут осуществляться и обосновываться не только в синхроническом, но и в диахроническом контексте. Историческая память науки может служить образованию научного коллектива (Л. Флек), историческая преемственность – формированию стиля научного мышления (А. Кромби, Я. Хакинг), подкреплению консенсуса относительно концептуальных и методологических оснований исследования и определенности научных фактов. С другой стороны, так ли однозначна роль научной коллективной памяти? Не может ли она, напротив, служить догматизации идей и препятствовать прогрессу? Не будет ли парадигмальный консенсус, достигаемый на основе обращения к истории науки, поддерживать консерватизм научного сообщества (о чем говорил Т. Кун) и выступать преградой на пути появления и утверждения научной новизны?

Таким образом, вопрос о значении истории науки может получить ответ через уточнение ее роли и определение ее пользы и вреда. Сама эта роль может быть истолкована в социально-эпистемологическом смысле. При этом можно допустить, что ее социально-коммуникативный аспект, связанный с формированием, поддержкой или «пересборкой» научного сообщества, может и противоречить аспекту эпистемологическому, связанному с развитием научного знания[1].

Допустим, что ответ на поставленные вопросы можно дать опосредованно, через философско-научные и эпистемологические исследования, связанные с историей науки и нуждающиеся в ней в том или ином смысле. Однако связь эта также представляется неоднозначной. Отношения истории и философии науки в контексте установок программы И. Лакатоса уже давно критикуются как неконструктивные, противоречащие возможностям междисциплинарного диалога исследователей науки [Riesch, 2014]. Эти установки рассматривают историю науки по преимуществу в качестве поставщика материала для эпистемологической рефлексии, материала, призванного подтвердить философские тезисы. При этом дело историка науки в его автономии оказывается недооцененным в философии науки, а его значение для современной науки остается непроясненным. Такой же вывод возможен и относительно альтернативных предложений представителей современной исторической эпистемологии, рассматривающих историю как мотивирующую воображение философа, провоцирующую его на постановку проблем [Rheinberger, 2012]. В этом контексте дело историка науки оказывается случай-

[1] Это различие может быть соотнесено с различием и комплементарностью двух контекстов определения науки – предметного и социального [Антоновский, 2024].

ным, не обязательным, потенциально замещаемым исследовательским вниманием к событиям современной науки.

Более того, если предположить, что оправдание значения истории для науки может быть произведено апелляцией к историзации философии науки, то и здесь картина далека от определенности. Так, еще в первой половине XX в. Э. Гуссерль ставит в упрек предшествующей философской теории познания ее неисторический характер. В то же время отцы-основатели традиции аналитической философии провозглашают ее отказ от историчности, защищая тем самым собственное знание от релятивизма и отстаивая его научный характер.

Иначе говоря, апелляция к философии как таковой в решении вопроса о значении историко-научных исследований для современной науки может лишь усложнить нашу задачу и будет оставлена на перспективу. Хотя нельзя не признать, что наше рассуждение оказывается по необходимости философским. И первым его шагом будет обращение к тексту, очевидность которого следует из названия статьи, а релевантность обеспечивается предлагаемым эпистемологическим применением.

История и жизнь: философская рефлексия и ее эпистемологическое применение

Ф. Ницше в своих знаменитых *Несвоевременных размышлениях* раскрывает три способа отношения истории и жизни, которые могут приносить пользу и вред, оказываясь релевантными в различных обстоятельствах. Ницше пишет: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории; кто, напротив, желает оставаться в пределах привычного и освященного преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка антиквария, и только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего, и кто задался целью сбросить с себя какою бы то ни было ценою угнетающую его тяжесть, чувствует потребность в критической, то есть судящей и осуждающей истории» [Ницше, 1990, с. 174].

В первом случае *монументальной истории науки* в поле внимания историка и ученого попадает только верифицирующее современность прошлое. Только оно оказывается полезным настоящему, служа ему основанием (монументом). Однако неизбежная избирательность позиции настоящего может приносить вред познанию, в том числе научному. Вот как говорит о соответствующем опыте Ницше: «…пока прошлое будет изображаться как нечто, достойное подражания и как доступное подражанию и могущее

повториться еще раз, – до тех пор истории, конечно, грозит опасность подвергнуться некоторому искажению, приукрашиванию и, в силу этого, сближению со свободным вымыслом» [Ницше, 1990, с. 172].

Монументальная история мотивирована, по Ницше, теоретической направленностью в великое будущее, сопровождающейся практическим стремлением его создавать. В этом смысле она может быть соотнесена с прогрессистской вигской историографией, раскритикованной еще Г. Баттерфилдом в его известном эссе 1931 г. *The Wig Interpretation of History* [Butterfield, 1964]. Такая критика представляется для современного гражданского историка почти само собой разумеющейся, так же как и ницшеанская критика гегелевского историзма, поскольку рефлексия исторического познания выявляет очевидность отличия прошлого от настоящего, а также ограничения, связанные с «прочтением» истории в контексте целей текущего момента. Однако неслучайный эпистемологический казус Баттерфилда состоит в том, что сам он, спустя несколько лет, пишет фундаментальную работу о генезисе Новоевропейской науки (*The Origins of Modern Science*), которая трактуется современными эпистемологами как принципиально вигская [Alvargonzalez, 2013]. Это конкретное обстоятельство, признание в целом неустранимости позиции настоящего из исследования прошлого, которое к этому настоящему привело, а также последующее внимание к стратегиям работы историков науки актуализируют современные дискуссии среди исторических эпистемологов.

С одной стороны, они признают, подобно Альваргонзалесу, неустранимость тенденции прогрессистской историографии из внимания к научному прошлому. Польза от такой истории науки состоит как минимум в том, что подчинение прошлого нуждам настоящего способствует поддержке целостности научного сообщества и легитимации современной науки в публичном пространстве. Верное единому Великому Прошлому сообщество может обоснованно надеяться на успехи в настоящем и будущем! Другими словами, польза монументальной, или вигской, истории науки может быть понята как основа сохранения и общественного признания парадигмы в куновском смысле. С другой стороны, исторические эпистемологи критикуют такой подход, указывая на его конкретные эпистемологические следствия, проявляющиеся в том числе в практической сфере. Один из самых ярких примеров такого негативного влияния склонности к вигизму (или к монументализму) в истории науки – осмысление экономического кризиса 2008 г. и неспособности экономистов его предсказать: факт, широко обсуждавшийся в публицистике и в научной литературе. В качестве одной из причин, обусловивших такую неспособность, называется неадекватное историческое образование экономистов, предполагающее гомогенность

исторического процесса и, как следствие, их лишенность широты исторической ретроспективы и отсутствие внимания к многообразию научных подходов [Freeman et al., 2014]. Таким образом, польза монументальной истории в ее применении к истории науки – социально-коммуникативная, а ее возможный вред – эпистемологический и, опосредованно, практический.

*Историк-антиквари*й, согласно Ницше, обладает важными интеллектуальными способностями, в том числе знаниями языков, позволяющими правильно читать и интерпретировать традицию. Перед ним, способным к «проникновению в сокровенный смысл событий» [Ницше, 1990, с. 173], опыт прошлого раскрывается в его аутентичности. Однако ему грозит одна существенная опасность и соответствующий ей вред – уклониться в ситуацию, когда «живая современная жизнь перестает его одухотворять». Тогда благоговейное отношение к Прошлому может замениться «отвратительным зрелищем слепой страсти к собиранию фактов, неутомимого накапливания того, что когда-либо существовало» [Там же, с. 177]. Кажется, что такая история науки, лишенная связи с современностью, не может быть полезной для ученого и может служить в лучшем случае обеспечению его случайного незаинтересованного любопытства. Хотя нельзя не заметить, что историк посредством такой работы с научным прошлым может обеспечить бо́льшую полноту его представления, нарисовать его детальную картину, справившись отчасти с угрозами, которые несет кумулятивная монументальная историография для современного научного познания. Проще говоря, ницшеанский антикварий в области истории науки может способствовать минимизации вреда в эпистемологическом смысле, но может ли он надеяться на пользу от своих исследований? Не вполне понятно, можно ли обосновать или хотя бы продемонстрировать позитивность таких исследований – как для самой современной науки, так и для ее общественной легитимации?

Критический историк также не избегает испытания ницшеанским подозрением. Ему свойственна активность и актуальность, отсутствие угрозы погрузиться в «пыль библиографических мелочей» и остаться без всякой связи с текущими проблемами. Однако стремление изменить настоящее может привести к ситуации, когда «подступают с ножом к его корням и жестоко попирают все святыни» [Там же, с. 178]. Критический историк рискует упустить неизбежную связь настоящего, в том числе научного, с прошлым, редуцировать наш статус наследников прежних поколений, обеспеченный, порой незаметно, их языком, накопленным опытом и инструментарием, но при этом обремененный их заблуждениями и страстями. Критический историк разделяет ограниченность и слепоту с другими модальностями отношения истории и жизни. Слепота антиквария относительно нужд настоящего дополняется слепотой относительно

полноты прошлого, из которого монументальный и критический историки выбирают лишь то, что для науки может быть полезно в будущем, ограничивая свое представление или ради утверждения, или ради изменения настоящего. Критический историк спасает не всех «проигравших», а только тех, кто оказывается его союзником на пути определенным образом понятого освобождения. Практика критического историка в науке, с одной стороны, может быть востребована в ситуации смены парадигм, когда прежние образцы деятельности во многом остаются лишь формальной данью уважения к «гигантам», на плечах которых построен монумент настоящего. Так, историки науки отмечают, что в географии куновская идея смены парадигм повлияла на работу по обоснованию научной новизны, а также на самовосприятие географов как новаторов дисциплины, несущих в нее революционные преобразования [Meeteren, Sidaway, 2020]. Однако очевидно, что рискованным предположениям новых парадигмальных положений не гарантирован успех в обосновании. Последнее требует серьезной работы по привлечению союзников (Б. Латур), работы над признанием, которого еще нет. Таким образом, социально-коммуникативная и эпистемологическая польза практики критического историка гипотетична.

Итак, три модуса отношения истории и (научной) жизни заостряют вопрос о пользе и вреде историко-научных исследований для современной науки. Двойственность ответа – социально-коммуникативная польза и эпистемологический вред – мы наблюдаем в случае монументальной историографии науки, лишь негативную пользу находим в антикварной истории, довольствуясь гипотетической полезностью работы критического историка. Такое проблематичное положение дел мотивирует дальнейший поиск и обращение к современной эпистемологической рефлексии истории науки.

История и современная наука: эпистемологический анализ и его ограничения

В 1965 г. Дж. Стокинг-мл., главный редактор журнала «История наук о поведении», известный американский антрополог, описал методологическую дилемму (альтернативные ориентации, по его выражению), стоящую перед историками науки [Stocking, 1965]. Он четко зафиксировал различие целеполагания двух подходов и, по сути, ввел термин «презентизм» в широкий культурный обиход. Один подход – презентистский – стремится «понять прошлое ради настоящего»; другой – «понять прошлое ради самого прошлого».

Современная историческая эпистемология[2], обращаясь к стратегиям историко-научного исследования, признает относительную полезность и даже неизбежность написания истории прошлой науки с позиции науки современной. При этом она следует тому именованию, которое было предложено Стокингом. Нельзя не отметить различия, существующие между историко-научным и общим историографическим презентизмом[3]. Историк науки – презентист в отличие от антрополога, также учитывающего актуальность настоящего, видит каузальную связь настоящего с прошлыми событиями, что позволяет ему выбирать значимые (для современной науки) объекты для анализа. Однако в отличие от своего коллеги, гражданского историка, историк науки знает, «как можно было бы избежать ошибки» в прошлом, потому что перед ним раскрывается не только каузальность, в контексте которой настоящее – следствие прошлого, но и нормативный характер настоящего, в контексте которого прошлые научные находки – несовершенные предшественники завершенных современных исследований [Loison, 2016]. Историк науки – презентист работает в духе монументализма, заботясь о поиске предшественников или «зародышей» важнейших идей [Puras, 2014; Adrian, 2015; Кузнецова, Розов, 1996]. Вигская историография при этом рассматривается как вариант или как опасная радикализация презентизма, акцентирующая внимание на научном прогрессе, направленном из прошлого через настоящее в будущее [Chang, 2021], трактующая современную науку не только как следствие, но и как цель науки прошлой [Loison, 2016].

Относительная полезность презентизма для современной науки реализуется за счет выстроенной ретроспективым образом истории в ее дисциплинирующей и легитимирующей функции. Полезность может быть дополнена и эпистемологической функцией. Работа историка науки – презентиста служит созданию «базы данных» для современных исследований, что очевидно, например, в вулканологии, географии [Meeteren, Sidaway, 2020], или позволяет подтвердить инвариантность субстрата объекта исследования, сохраняющегося в определенном смысле «тем же самым» в прошлом и настоящем, если речь идет, например, о видах в науках о живом. Необходимым

[2] Используемый нами термин имеет в современности как минимум два смысла: эпистемологической рефлексии базовых понятий и подходов истории как науки, а также критики базовых понятий и подходов эпистемологии посредством их историзации. Представляется, что история науки оказывается на пересечении этих двух версий исторической эпистемологии и потому ее рефлексивная работа имеет особую значимость как для исторической науки, так и для теории познания. Также об актуальных смыслах исторической эпистемологии см.: [Касавин, 2020; Порус, 2021].

[3] Об общем историографическом презентизме см., например: [Wilson, Ashplant, 1988].

условием такой пользы служит предпосылка о том, что наше познание никак не влияет на познаваемый объект, что характерно для радикальной реалистической установки и действенно по преимуществу в естествознании [Loison, 2016]. Относительность пользы определяется в том числе границами применения такого условия. За этими границами – социальные науки с их историей, связанной с изменяемостью предметного поля в процессе познания. За этими границами – конструктивистская установка, признающая активность познающего субъекта, определенного историческим, социально-политическим, психологическим и иным «внешним» контекстом.

Как можно «усилить» пользу историко-научного презентизма в социально-коммуникативном и эпистемологическом смысле, предполагающем не только подтверждение и обоснование существующего знания, но и его развитие? Для этого должно быть реализовано смягчение презентистской установки, позволяющее увидеть настоящее не гомогенным и, соответственно, допускающее сложность, вариативность прошлого, к нему ведущего. В этом контексте становятся актуальными такие практики историко-научного исследования, которые мы предлагаем назвать «вариативный презентизм», предполагающие одновременное существование различных линейных историй. Можно привести два примера таких исследований.

Первый пример принадлежит вариативному презентизму в истории социологии. Известные социологи современности, рассуждая об идентичности собственной дисциплины и определяя ее различным образом, выстраивают три линейные истории, связывая каждую с Робертом Оуэном как предшественником. В одном случае он оказывается основателем современной науки об обществе, исходя из представления о современной социологии как публичной, активно включающейся в решение общественных проблем. Во втором случае на основании современных представлений о социологии как по преимуществу теоретической деятельности Р. Оуэн, будучи, очевидно, практиком, относится к значимой, но все же к предыстории. В третьем – Оуэн представляется классическим авторитетом, обосновывающим альтернативный марксизму проект понимания общества и «помогающим» современным социологам защищать антимарксистские установки [Puras, 2014]. Такой вариативный презентизм, строящийся на основании негомогенного настоящего, использующего (одно и то же) прошлое в различных интересах, оказывается далек от возможной монументализации. Он может быть полезен не только для собирания сторонников той или иной позиции, но, потенциально, для понимания сложности и противоречивости современного социологического знания и, как следствие, для развития, которому эти противоречия могут служить источником.

Второй пример относится к вариативному презентизму в истории психологической науки, которая в рамках традиционного

презентизма возводит свои основания к работам Вундта [Adrian, 2015]. Однако, если принять в расчет то, что человек как предмет психологии культурно и социально дифференцирован, практическая деятельность психолога и ее теоретические основания не могут не учитывать соответствующее различие интеллектуальных традиций. В этом контексте оправданно искать и находить истоки психологической науки не только в Античности, в работах Аристотеля, служащих началом европейской линии, но в арабской или индийской мысли. Такой ход к вариативному презентизму может также служить развитию современной науки, если, учитывая гетерогенность современного объекта исследования, будет поставлен вопрос о пересечении и связи в современности каузальных последовательностей и соответствующих традиций.

Однако что может мотивировать актуализацию такого вариативного презентизма? Что может заставить видеть прошлое сложным, принципиально отличающимся от его однозначной традиционной презентистской трактовки? Вигская историография представляет собой негативный полюс, от которого отталкивается исследование, обнаруживая опасности и вред презентизма. Но есть ли позитивный полюс? Существует ли практика историко-научного исследования, ориентированная на автономию прошлого, выводящая его за границы нормативного и даже вечного характера настоящего?

Отчасти взгляд на автономное научное прошлое присутствует в раскрытии образа нововременной науки как того, что «не было» экспериментальным математическим естествознанием (Б. Латур), предметом которого является «бесконечная Вселенная» (А. Койре). Отчасти работа по «освобождению» прошлого ведется относительно образа научной революции, который раскрывается в системе контекстов, в пространстве пересечения различных интересов участников, раскрывается как событие, имеющее не только и не столько облик радикального разрыва с донаучным периодом истории, к которому мы привыкли по кратким учебникам по истории науки [Shapin, 1996; Schuster, 2013; Дмитриев, 2005]. Такой освобождающий подход применяется и к средневековой научности, в которой могут быть обнаружены отличные от современности стили мышления, впрочем, переводимые на язык современности с осознанием жертвы, приносимой успешности перевода [Рабинович, 1979]. Для такого освобождающего прошлое подхода в отечественной исторической эпистемологии есть термин «антикваризм», впрочем, уже известный нам из контекста философской рефлексии, однако наполняемый дополнительным существенным смыслом[4].

[4] Для описания подобных историко-технологических исследований в англоязычной традиции используется словосочетание «историцистская чувствительность» [Soden et al., 2021].

Подчеркнем это важное дополнение. Антикваризм в смысле, раскрываемом Ницше, предполагает знание прошлого самого по себе, эмпатическое отождествление с ним. Начиная с осознания границы между временами, историк-антикварий достигает того, что завеса, отделяющая его от прошлого, падает. Именно такая понимающая связь с прошлым может привести к опасной утрате связи с современностью. Антикварная и монументальная ницшеанские истории ищут понимания, достигаемого в первом случае посредством погружения в прошлое, во втором – включения прошлого в настоящее. Напротив, подход антикваризма в отечественной рефлексии истории науки предстает как принципиально объясняющий, формирующий определенную картину научного прошлого, наряду и в оппозиции картине презентизма. В рамках этой оппозиции, которая была в свое время охарактеризована М.А. Розовым [Розов, 1994] как дополнительная в смысле квантово-механической интерпретации Н. Бора, презентистский подход предполагает установление значения прошлого для науки настоящего, возможность его использования, *понимающую ассимиляцию* его в современное знание. Причем для такого использования необходимо соблюдение двух условий – однозначная интерпретация содержания знания (научного открытия) и выражение его в терминах современного научного языка. Антикваристский же подход *объясняет* становление событий, идей и концепций прошлого, раскрывает их происхождение и использование в их собственном историко-научном и историко-культурном контексте, оставляя способы современного использования прошлого научного знания вниманию презентиста. Антикваристский подход делает видимым разрыв в истории науки, отличие прошлого от современности. Презентистский – актуализирует связь, акцентируя внимание на современном субъекте, удерживающем эту связь. Два подхода – объясняющий и понимающий – различены и дисциплинарно. Первый реализует чаще всего историк и философ культуры. Второй – специалист в области современной науки и ее истории. Отсутствие внимания к этому принципиальному различию – методологическому и дисциплинарному – приводит к тому, что современные исследователи вписывают подход антикваризма в единую с презентизмом классификацию [Кузин, 2020].

Историки науки, использующие эти подходы, обращаются к прошлому из современности и ради ее пользы: презентист – ради установления и поддержки современного смысла, антикварий – ради уточнения прошлого значения, иначе не очевидного из современности. Работая с прошлым, историк-презентист скажет, что сделал Колумб – открыл Америку, а историк-антикварий опишет, что делал Колумб, как он воспринимал задачи своего путешествия и оценивал его результаты [Кузнецова, 2009]. Историк науки – презентист скажет, что стремление к объективности разделяли философы и ученые, начиная как минимум с начала Нового времени. Он сможет найти

и у Ф. Бэкона, несмотря на отсутствие такого слова, соответствующий современному термину объективности смысл [Zagorin, 2001]. Историк науки – антикварий же уточнит, что ученые (и философы) не употребляли термин объективности в современном нам смысле до XIX в. и это имеет значение, потому что именно в этот период объективность складывается как ценность научного исследования и добродетель ученого, что сопровождает утверждение научной деятельности как профессии [Daston, Galison, 2007].

Будучи полезным в научно-коммуникативном и эпистемологическом смысле, оставляет ли какую-нибудь пользу презентизм так понятому антикваризму? Если проводить параллель между куновским видением истории смены парадигм и антикваристской историографией, мы поймем, что границы современного научного сообщества, несовершенство и относительность его парадигмы видны именно тогда, когда реализуется практика антиквария. Антикваристская историография науки допускает возможность альтернатив и пересборок эпистемологических оснований и коммуникативных научных практик. Есть очевидный пример пользы антикваризма в этом контексте: решимость Коперника публиковать свою работу была обеспечена в том числе усилиями историка-антиквария, сохранившего дискуссии о неоднозначном положении Земли в Космосе в античной философии. В такой своей интенции антикваризм оказывается полезен развитию науки, сохраняя для него альтернативные, на время оставленные в стороне и отчасти фальсифицированные позиции, которые он, повторим, не просто описывает, но объясняет и тем самым сохраняет их возможную значимость! Он оказывается полезен и в качестве основания пересборки научного сообщества.

Таким образом, мы получаем конкретизацию того, чем может быть полезна презентистская и антикваристская историография как в социально коммуникативном (для формирования, поддержки или пересборки сообщества), так и в эпистемологическом смысле (для развития науки). Для презентизма польза обусловлена вниманием, помимо прочего, к вариативности линейных историографий, провоцирующих вопрос о том, как такая вариативность возможна в одной науке, и мотивирующих работу над пересечением перспектив. Для антикваризма она связана с сохранением внимания к некумулятивности научной истории, к объяснению прошлого, отличного от прошлого современной науки, объяснению, которое делается *для* современной науки.

Остается еще один вопрос, требующий ответа и оставляющий сомнения по поводу дополнительности презентизма и антикваризма как двух картин прошлого. Как разным историкам понимать друг друга, как им учить ученых одновременно антикваризму и презентизму? Не будет ли происходить всякий раз уклонение в одну или другую сторону, не будет ли случаться забвение другой стороны,

«ущемление прав» другого и догматизация собственного подхода? Этот вопрос имеет не только образовательный, но и социально-эпистемологический характер, он относится к возможной полноте историко-научной пользы, и подступом к ответу на него может служить предположение возможности перевода, пересечения картин, работы на их границах.

Заключение. О работе на границах истории науки

Историко-научные картины антиквария и презентиста могут пересекаться, если у них есть основание для этого, однако прошлое как объект исследования в двух случаях различно! Что же их может сближать? Создавая по-разному картины прошлого, историки – антиквариста и презентист – стремятся прошлое определить: описать его в значимом отношении к современности или объяснить, погрузив в многообразие прошлых контекстов. Различаясь в объекте, антиквариста и презентист пересекаются в мотиве. *Недоопределенность события прошлого науки* будет их общим исследовательским истоком. Внимание к ней не позволяет считать прошлое тем, что должно быть однозначно объяснено антикварием, забыто в случае несоответствия современности или поднято на флаг в случае соответствия презентистом. Соответственно, все то, что заставляет эту недоопределенность заметить, подчеркнуть с позиции автора одной или другой картины прошлого – следует признать инструментом, актуализирующим возможность перевода. Среди таких инструментов, например, проблематизация гомогенности образа современной науки, раскрытие неоднозначности ее предшественников, описание нелинейного и негарантированного процесса генезиса научных объектов[5].

Между двумя дополняющими друг друга картинами прошлого должна быть возможной работа перевода (подобно тому, как в физике существует возможность изменения экспериментальной ситуации). Эту работу можно осуществить, ее результаты предъявить, но для нее самой нельзя создать картину. Она всегда оставляет что-то неявным, как и любой перевод. На пересечении этих картин находятся

[5] Так, Х.-Й. Райнбергер в своей «биографии научного объекта» описывает сложный и негарантированный путь становления РНК – в различных лабораторных практиках, посредством различных приборов, в разных науках и с разными именами, в спорах и дискуссиях постепенно формируется то, что сейчас считается научным фактом [Rheinberger, 2020].

двойственные объекты[6] или исторические события[7], которые могут быть истолкованы в качестве пограничных объектов (С. Стар и Дж. Гризмер), условий возможного перевода. Поиск таких пограничных объектов, а также их двойное историческое обоснование: объясняющее для антиквария и понимающее для презентиста с их различными дисциплинарными установками – дело историка в его полезности для современной науки. Ведь наука в своем генезисе, в своем развитии и в своей легитимации именно с такими объектами и работает, дискутируя об их значении, задавая его разными способами интерпретации. Историк науки – антиквариий и презентист – сопровождают эту работу, раскрывая и обосновывая ее исток и «конечный» пункт.

Список литературы

Антоновский, 2024 – *Антоновский А.Ю.* Наука в суперпозиции. К коммуникативной семантике понятия науки // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 4. С. 6–24.

Дмитриев, 2005 – *Дмитриев И.С.* Искушение святого Коперника. Ненаучные корни научной революции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 278 с.

Касавин, 2020 – *Касавин И.Т.* Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–19.

Кузин, 2020 – *Кузин И.А.* Классификация форм презентизма и антипрезентизма в историографии науки // Наука как общественное благо: сборник научных статей / Науч. ред. и сост. И.Т. Касавина, Л.В. Шиповалова. В 7 т. Т. 1. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. С. 74–77.

Кузнецова, 2009 – *Кузнецова Н.И.* Презентизм и антикваризм – две картины прошлого // Arbor Mundi. 2009. Вып. 15. С. 164–196.

Кузнецова, Розов, 1996 – *Кузнецова Н.И., Розов М.А.* История науки на распутье // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 1. С. 3–18.

Ницше, 1990 – *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 158–230.

Порус, 2021 – *Порус В.Н.* Историческая эпистемология – триггер реформы философии познания // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 47–57. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-47-57

Рабинович, 1979 – *Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры: Гермес трижды Величайший. Изумрудная скрижаль. М.: Наука, 1979.

6 Например, скорость в работах Галилея, которая может быть понята и как объективно существующее качество движущегося тела на языке средневековой научности, и как измеримая через отношение пространства и времени величина на языке науки современной [Розов, 1994].

7 Например, географический путь, который может быть понят и как путешествие Колумба в Западную Индию, и как открытие Америки [Кузнецова, 2009].

Розов, 1994 – *Розов М.А.* Презентизм и антикваризм. Две картины истории // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 3. С. 13–23.

References

Adrian, 2015 – Adrian, C. “Brock Presentism and Diversity in the History of Psychology”, *Psychological Studies*, 2015, vol. 60 (4), pp. 373–379. https://doi.org/10.1007/s12646-015-0315-9

Alvargonzalez, 2013 – Alvargonzalez, D. “Is The History of Science Essentially Whiggish?”, *History of Science*, 2013, vol. 51, no. 1, pp. 85–99.

Antonovski, A.Yu. “Nauka v superpozitsii. K kommunikativnoj semantike ponyatiya nauki” [Science in Superposition. Towards a Communicative Semantics of the Concept of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 4, pp. 6–24. (In Russian)

Butterfield, 1965 – Butterfield, H. *The Whig Interpretation of History.* New York: W.W. Norton & Company, 1965.

Chang, 2021 – Chang, H. “Presentist History for Pluralist Science”, *Journal for General Philosophy of Science*, 2021, vol. 52, pp. 97–114. https://doi.org/10.1007/s10838-020-09512-8

Freeman et al., 2014 – Freeman, A., Chick, V., Kayatekin, S. “Samuelson’s Ghosts: Whig History and the Reinterpretation of Economic Theory”, *Cambridge Journal of Economics. L. etc.*, 2014, vol. 38, no. 3, pp. 519–529.

Kasavin, I.T. “Znanie i real’nost’ v istoricheskoj epistemologii” [Knowledge and Reality in the Historical Epistemology], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 6–19. https://doi.org/10.5840/eps202057216. (In Russian)

Kuzin I.A. “Klassifikaciya form prezentizma i antiprezentizma v istoriografii nauki” [Classification of Forms of Presentism and Anti-presentism in the Historiography of Science], in: I.T. Kasavin, L.V. Shipovalova (eds.) *Nauka kak obshchestvennoe blago* [Science as a Public Good], vol. 1. Moscow.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki, 2020, pp. 74–77. (In Russian)

Kuznetsova, N.I. “Prezentizm i antikvarizm – dve kartiny proshlogo” [Presentism and Antiquarianism – Two Pictures of the Past], *Arbor Mundi*, 2009, is. 15, pp. 164–196. (In Russian)

Kuznetsova, N.I., Rozov, M.A. “Istoriia nauki na rasput’e” [History of Science at the Crossroads], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1996, is. 1, pp. 3–18. (In Russian)

Loison, 2016 – Loison, L. “Forms of presentism in the history of science. Rethinking the Project of Historical Epistemology”, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2016, vol. 60, pp. 29–37. http://dx.doi.org/10.1016/j.shpsa.2016.09.002

Meeteren, Sidaway, 2020 – Meeteren, M., Sidaway, J.D., “History of Geography”, *International Encyclopedia of Human Geography*, 2nd edition, ed. A. Kobayashi, 2020, vol. 7, pp. 37–44. https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10724-3

Nietzsche F. *O pol’ze i vrede istorii dlya zhizni. Sochineniya* [On the Advantage and Disadvantage of History for Life, Works], vol. 1. Moscow: Mysl’, 1990, pp. 158–230. (Trans. into Russian)

Porus, V.N. “Istoricheskaya epistemologiya – trigger reformy filosofii poznaniya” [Historical Epistemology – the Trigger of the Reform of the Philosophy of Knowledge], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 5, pp. 47–57. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-47-57. (In Russian)

Puras, 2014 – Puras, A. “Robert Owen in the History of the Social Sciences: Three Presentist Views”, *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 2014, vol. 50 (1), pp. 58–78.

Rabinovich, V.L. *Alkhimiya kak fenomen srednevekovoj kul’tury: Germes trizhdy Velichajshij. Izumrudnaya skrizhal’* [Alchemy as a Phenomenon of Medieval Culture: Hermes the Thrice Greatest. The Emerald Tablet]. Moscow: Nauka, 1979. (Trans. into Russian)

Rheinberger, 2000 – Rheinberger, H.J. “Cytoplasmic Particles. The Trajectory of a Scientific Object”, in: L. Daston (ed.), *Biographies of Scientific Objects*, Chicago and London: The University of Chicago Press, 2000, pp. 270–294.

Rheinberger, 2012 – Rheinberger, H.-J. “A Plea for a Historical Epistemology of Research”, *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 43, no. 1, pp. 105–111.

Riesch, 2014 – Riesch, H. “Philosophy, History and Sociology of Science: Interdisciplinary”, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2014, vol. 48, pp. 30–37.

Rozov, M.A. “Prezentizm i antikvarizm. Dve kartiny istorii” [Presentism and Antiquarianism: Two Pictures of History], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki (VIET)* [Studies in the History of Science and Technology], 1994, no. 3, pp. 13–23. (In Russian)

Shapin, 1996 – Shapin, S. *The Scientific Revolution*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1996.

Shuster, 2013 – Schuster, J. *Descartes-Agonistes: Physico-mathematics, Method & Corpuscular-Mechanism 1618–1633*. Springer, 2013.

Soden et al., 2021 – Soden, R., Ribes, D., Avle, S., Sutherland, W. “Time for Historicism in CSCW: An Invitation”, in: *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction,* vol. 5, CSCW2, article 459, 18 p., https://doi.org/10.1145/3479603

Stocking, 1965 – Stocking, Jr.G.W. “On the Limits of ‘Presentism’ and ‘Historicism’ in the Historiography of the Behavioral Sciences”. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 1965, vol. 1, no. 3, pp. 211–218.

Wilson, Ashplant, 1988 – Wilson, A., Ashplant, T.G. “Whig History and Present-Centered History”, *The Historical Journal*, 1998, vol. 31, pp. 1–16.

Zagorin, 2001 – Zagorin, P. “Francis Bacon’s Concept of Objectivity and the Idols of the Mind”, *The British Journal for the History of Science,* 2001, no. 34, pp. 379–393.